

Дух мелочей, треск пластинки, легкость разговора и культурная революция за углом

Особенности поэтики авторов «Кузминского круга» в 1920-е
годы

Д. М. Бреслер, МФ 2020

Дух мелочей

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий, —
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро».

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Веселой легкости бездумного житья!
Ах, верен я, далек чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!

(1906)

За чаепитием воскресным
мне интересны и прелестны
равно и крендель и хозяин.
Одушевленнейших предметов
и речи неодушевленной
благожелательный свидетель,
сижу, простое изваянье,
с наружностью мнимо-грустной,
напиток попиваю вкусный,
и белым голуби пометом
мне плечи твердые марают,
и ветви с ветерком играют.

(1933)

Легкость житья...

- Выходил совсем на минуту за булками. Юр. ездил на "барахолку". Улов не очень важный. За чаем были Лихачев и Лев<ушка>. У них осложнения с флиртами, с манерой быть "прилипшим" кавалером. Настроение у меня по-прежнему "недоуменное". "Похищения" на буд<ущей> неделе нет. Юр. пришел поздно. Начали есть до ночи. Да, тяготит меня предстоящий вечер. И хочется отыскать кого-то, и сложность с именинами, и неустройство с электричеством и т. п. Ну, будь, как угодно судьбе. Как весна, которая все идет, независимо от наших расчетов.
- (13 марта 1927)

Литературный быт

- Художественные высказывания
- Печенье «Новый быт» (инерция материального потребления)
- «Быт кишит рудиментами разных интеллектуальных деятельностей. По составу быт — это рудиментарная наука, рудиментарное искусство и техника» (Ю. Н. Тынянов «Литературный факт», 1924)

Д. А. Пригов «Некрологи» (1980)

Центральный Комитет КПСС, Верховный Совет СССР, Советское правительство с глубоким прискорбием сообщают, что 10 февраля (29 января) 1837 года на 38 году жизни в результате трагической дуэли оборвалась жизнь великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Товарища Пушкина А.С. всегда отличали принципиальность, чувство ответственности, требовательное отношение к себе и окружающим. На всех постах, куда его посылали, он проявлял беззаветную преданность порученному делу, воинскую отвагу и героизм, высокие качества патриота, гражданина и поэта.

Он навсегда останется в сердцах друзей и близко знавших его как гуляка, балагур, бабник и охальник.

Имя Пушкина вечно будет жить в памяти народа как светоча русской поэзии.

Б. М. Эйхенбаум «Литература и литературный быт» (1927)

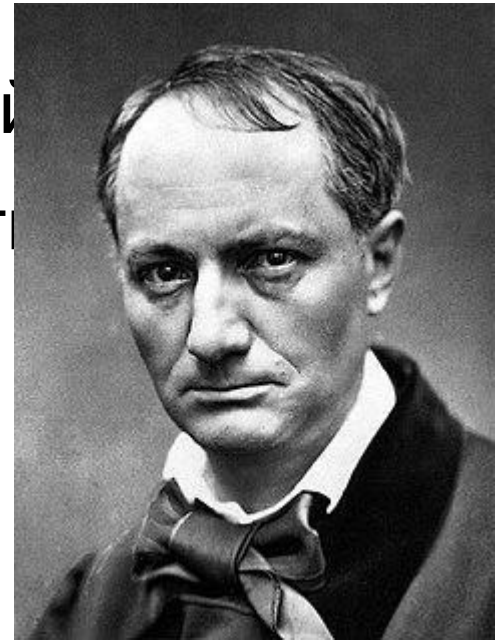
- Литературная эволюция, еще недавно так резко выступавшая в динамике форм и стилей, как бы прервалась, остановилась. Литературная борьба потеряла свой прежний специфический характер: не стало прежней, чисто литературной полемики, нет отчетливых журнальных объединений, нет резко выраженных литературных школ, нет, наконец, руководящей критики и нет устойчивого читателя. Каждый писатель пишет как будто за себя, а литературные группировки, если они и есть, образуются по каким-то "внелитературным" признакам, - по признакам, которые можно назвать литературно-бытовыми. Вместе с тем, вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого "дела литературы". *Вопрос о том, "как писать", сменился или, по крайней мере, осложнился другим - "как быть писателем".* Иначе говоря, проблема литературы, как таковой, заслонилась проблемой писателя.

Богема

- Жизненное положение людей этой категории уже предопределяет весь их характер. <...> Их неустойчивое существование, зависящее иногда более от случая, чем от их деятельности, их беспорядочный образ жизни, при котором постоянными пристанищами являются только <...> их неизбежные знакомства со всякого рода подозрительными людьми приводят их в тот круг, который в Париже называют la bohème.

Шарль Бодлер (1821-1967)

- Проклятый поэт, проповедник антиэстетики, обладатель амбивалентного сознания, виртуоз иронии.
- Беньямин: «копание в загадочности аллегорий у Бодлера означает то же самое, что склонность к таинственности у заговорщиков»

«Цветы зла» (1857). Вступление

Как грудь, поблекшую от грязных ласк,
грызет
В вертепе нищенском иной гуляка
праздный,
Мы новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;

У нас в мозгу кишит рой демонов безумный,
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнет ли воздух грудь — уж Смерть
клокочет
в ней,
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.

До сей поры кинжал, огонь и горький яд
Еще не вывели багрового узора;
Как по канве, по дням бессилья и позора,
Наш дух растлением до сей поры объят!

Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех
страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье,
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То — Скука! — Облаком своей houka одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель-лжец, мой брат и мой двойник,
Ты знал чудовище утонченное это?!

Антикварная история. Старьевщики

- Тряпичники во множестве появились в городах после того, как благодаря новой индустриальной технологии отбросы приобрели некоторую ценность. Они работали на посредников, представляя собой своего рода надомную индустрию, рассеянную по улицам. Старьевщик «запороживал свою эпоху» (Бенджамин, «Бодлер»).

Газета

- Темп жизни
- Привычки горожан
- Темп жизни

- Бульварный образ жизни литератора

Фланер. Физиологический очерк

- «Пассажи являются гибридами улицы и интерьера. Если говорить о литературной технике физиологических очерков, то речь идет об испытанном приеме газетного фельетона — обращать бульвар в интерьер. Улица становится для фланера квартирой, где он чувствует себя так же уютно, как буржуа — в своих четырех стенах». (Беньямин «Бодлер»)
- Изобретение толпы. Фланер как детектив

Я стал просвечивающей формой...

(1925)

Я стал просвечивающей формой,
Свисающей веткой винограда,
Но нету птиц, клюющих рано утром
Мои качающиеся плоды.
Я вижу длительные дороги,
Подпрыгивающие тропинки,
Разнохарактерные толпы
Разносяющих людей,
И выплывает в ночь Тептелкин,
В моем пространстве безымерном
Он держит Феникса сиянье
В чуть облысевшей голове.

А на Москве-реке далекой
Стоит расейский Кремль высокий,
В нем голубь спит
В воротничке,
Я сам сижусь
На облучке,
Поп впереди - за мною гроб,
В нем тот же я - совсем другой,
Со мной подруга, дикий сад
- Луна над желтизной оград.

К. К. Вагинов «Козлиная песнь» (1928)

ПРЕДИСЛОВИЕ

написанное реальным автором на берегу Невы

Художественное произведение раскрывается как шатер — куда входят творец и зритель. Все в этом шатре связано с творцом и зрителем.

Невозможно понять ничего без знания обоих: если знаешь зрителя, ты поймешь только часть шатра, если знаешь только творца, то назберное ничего не поймешь. А кроме того читатель, помни, что люди, изображенные в этой книге, представлены не сами в себе, т.е. во всей своей полноте, что и невозможно, а с точки зрения современника.

Автор в следующих предисловиях и в книге является таким же действующим лицом, как и остальные, и поэтому если можешь не соотносить его с реально существующим автором, ограничься тем, что дано в книге, и не выходи за ее пределы.

Если же ум твой так устроен, что любое литературное произведение ты соотносишь с жизнью, как большинство людей, а не с литературными произведениями, то соотнеси с эпохой, с классом, с чем угодно, только не с реальным автором — будь человеком воспитанным.

«Какая странная жизнь, — думал неизвестный поэт. — Повидимому, во мне глубоко, глубоко живы ощущения детства. Когда то женщина мне казалась особым существом, ~~напросто нельзя обвинять~~ для которого надо всем жертвовать. Повидимому, в моем мозгу до сих пор сохранились какие-то бледные лица, распущенные волосы и ясные голоса. Должно быть, подсознательно я ненавидел Свечина, иначе как могла возникнуть эта галлюцинация?

*Окно / было / забито / досками, / за / досками / была / укреплена /
хрусткая / катушка / проволоки / упрямая / колючка / обвивающая /
веревка / на / оконной / раме / сидел / известный / поэт, / на / дру- /
гой / — / лежа / под / кожей / безвечный.*

Больше всех удивлен был этим происшествием Свечин. Он его никак не мог объяснить. Он ходил обвязанный и пожимал плечами.

Официальный врачник ничего не мог добиться от неувядающего поэта.

*И / Мил / и / чужды / окаяны / (обеденная / стол / и / кроватей /
Мил / и / чужды / окаяны / с / кобой, / привлекательный / поэт, / ни /
чуть / никаких / объяснений! — / И / ходил / от / окна / к / двери.*

Медицинская экспертиза вешдла его вполне нормальным.

В / комнате / концов / приговорили / его / на / год, / у / тюрьмы

Там же неизвестный пост ходил по комнате. Дом двухэтажный, широкий, построенный в 20-х годах прошлого столетия французским эмигрантом, до войны предназначался на слом. Теперь в нем отдыхал, сидя во дворе, почтальон с курносом семейством; шитьем существовало разноносое, разноволосое семейство бывшего камергера, обслуживаемое натурщиком; смеялась и скакала по лестницам женщина, гуляющая с матросами по кинематографам и по набережным, и беседовал старичок — бывший владелец винного магазина Бауэр, теперь служащий в винном магазине Конкордия, у которого по средам и по воскресеньям собирались винтящие старички, бухгалтера и бывшие графы.

147

Неизвестный пост снимал светлую продолговатую комнату у этого винтящего старичка. У этого кооперативного служащего была супруга с подрумяненными щеками и старшая сестра, 80-летняя дистинге. Старичок некогда был испанским консулом.

Уютна была некогда квартира, принадлежавшая испанскому консулу Генриху Марии Бауэру. В гостиной, освещенной газом, в столовой тяжелой и дубовой, украшенной птицами из палье-маше, на тарелочках, литографиями в рамках черного дерева, с чучелами птиц по стенам, с круглым дубовым столом на круглой ноге и с 8-ью вспомогательными ножками, было приятно бывать. Испанский консул чувствовал себя лицом официальным, в гостиной стояла мебель красного дерева, в кабинете были диваны и портреты монархов: германского императора, российского самодержца, испанского короля. И гальванопластические изображения Лютера и апостолов. На бархатном столике лежал огромный фольянт на немецком языке — Фауст Гете, с

Вагинов: медианарративность

- В романный хронотоп на полных правах вступает пространственное размещение текста и время его исполнения. Маргиналия не только паратекстуально выделяет вынесенный в сноску фрагмент, но и позволяет прогнозировать время диегезиса, развертывания повествования в его соответствии с реальным временным периодом, уже даже не историческим временем, а временем, связанным с публикационным циклом.

Фридрих Киттлер «Gramophone, Film, Typewriter» (1986)

- Writing, however, stored writing — no more and no less.
- *Media define what really is.*

- Медиа позволили записать/ описать время как длительность.
- *Ever since that epochal change we have been in possession of storage technologies that can record and reproduce the very time flow of acoustic and optical data. **Ears and eyes have become autonomous.** And that changed the state of reality more than lithography and photography, which (according to Benjamin's thesis) in the first third of the nineteenth century merely propelled the work of art into the age of its technical reproducibility.*

Информация и шум

- Если традиционная история знала лишь противоположность между островком письменности, т.е. ремесленного искусства и океаном недокументированного, вообще недоступного, то в медиа эпоху появляется уже новая противоположность между технической информацией и белым шумом, между символическим и реальным.

А. Н. Егунов (1895-1968) «По ту сторону Тулы» (1931)

Девушки вышли из-за берез.

У каждой в руках было по большому белому грибу. Сергей сейчас же узнал их имена. Это были: Дуня, Феня, другая Дуня, Домаша. Никому из них не было больше двадцати лет, и все они оказались сельскими учительницами. <...>

Наконец, всех разморило, грибы были отложены в сторону, начались песни.

Дуня с Домашей принялись первые.

— На платочку два цветочка, голубой да синенький. Про любовь никто не знает, только я да миленький. С неба звездочка упала на душистый на сирень, проводи меня, залеточка, неужели тебе лень? Сошью платье я себе наперед стрелочкой, погонись, милой, за мной, как лиса за белочкой.

Феня и другая Дуня отвечали на это:

— На груди букет приколот, украшает грудь мою, поверь, милая подружка, не от радости пою. Расстегните белую платю, душно сердцу моему — шел ко мне, зашел к подруге, как не совестно ему? Где мы с миленьким стояли, снег протаял до земли, где мы с милым целовались, там цветочки расцвели.

Федор вошел в рощу и снял фуражку. Сергей вскочил к нему навстречу.

Когда занавес поднимается, выдет сбоку красавица Дуняша — ткача дочь. Волосы наверх подобраны, напудрены, светлыми украшены, на щеках мушки наклеплены, сама в помпадуре на фижмах, в руке посох пастушечий, с алыми и голубыми лентами. Станет князя виршами поздравлять. И когда Дуняша отчитает, Параша подойдет, псаря дочь. И станут Параша с Дунькою виршами про любовь да про овечек рассказывать, сядут рядом и обнимутся [цит. по: Евреинов 1955: 214-215]

Наконец, всех разморило, грибы были отложены в сторону, начались песни.

Дуня с Домашей принялись первые.

— На платочку два цветочка, голубой да синенький. Про любовь никто не знает, только я да миленький. С неба звездочка упала на душистый на сирень, проводи меня, залеточка, неужели тебе лень? Сошью платье я себе наперед стрелочкой, погонись, милой, за мной, как лиса за белочкой.

Феня и другая Дуня отвечали на это:

— На груди букет приколот, украшает грудь мою, поверь, милая подружка, не от радости пою. Расстегните белу платью, душно сердцу моему — шел ко мне, зашел к подруге, как не совестно ему? Где мы с миленьким стояли, снег протаял до земли, где мы с милым целовались, там цветочки расцвели.

Федор вошел в рощу и снял фуражку. Сергей вскочил к нему навстречу.

- Ему хотелось бы пожить некоторое время вон в том бездейственном вагоне, зеленеющем на одиннадцатом пути, подле канавки и травки. Взять бы с собой необходимый скарб: бритву, мыло, полотенце, одеяло, подушку, и поселиться там на нижней лавочке. По утрам бегать на станцию за кипятком и лететь стремглав обратно в вагон, боясь, что он уйдет из-под носа. Смотреть на неподвижный за окошком пейзаж: картофельный огород, железный дрязг, пятиэтажный дом с мелкими окнами, и вообразить причудливые картины высоких городов с башнями на берегу океана. Ходить по коридору недвижного вагона, хватаясь за стенки, чтобы не упасть от сотрясений стремительного поезда. Читать все одну и ту же книжку, безразлично какую, все равно она станет милой, так как была прочитана в вагоне.

Наиболее демократический характер носил Петровский парк (на Петровском острове), где с весны 1896 г. стали проводиться бесплатные воскресные гулянья. В большом парке играли полковые оркестры, в три часа дня на открытой сцене — короткий спектакль, часто исторического характера, в пять часов — цирковая пантомима при участии клоуна Н. Я. Филиппова, выступления дуэта Чеботаевых, русского хора с плясунами; к вечеру — раешники-петрушечники, «водяные горы», городки, фотографы, **«вагон путешествий» — иллюзия покачивания «поезда» и шум «паровоза» в сопровождении видовых кинолент** <курсив наш. — Д. Б.>, с закатом — фейерверк [Уварова 2004: 84].